

«При чужих свечах» - история создания пьесы Надежды Птушкиной

Пьеса «При чужих свечах» написана в 1992 году сразу после «Ненормальной». Я закончила вечером «Ненормальную» и на следующий день с утра начала писать «При чужих свечах». Это было воскресенье. Одно из воскресений ноября. 1992 год. Мой год. В моей жизни было два прекрасных года – 1968 и 1992. И ещё были прекрасные события. Отдельные прекрасные события, но не годы целиком.

Итак, Тяжёлый, напряжённый, смертельно опасный, переполненный риском год. Или, прекрасный, романтический, обновивший жизнь, или, как сейчас принято выражаться, перезагрузивший жизнь, год. Нельзя смотреть либо так, либо эдак. Надо смотреть и так, и так.

Для меня, как драматурга, год оказался принципиально важным. От состояния, - «что придумать?» и «как найти сюжет?» я перешла внезапно к состоянию «как выразить то, что меня переполняет?» и как «не сойти с ума от сюжетов?», которые рождаются ежечасно, атакуют и требуют внимания. Тем более, тогда я ещё не умела предугадать, какой сюжет выведет меня на простор фантазий, а какой заведёт в тупик конструкций.

Я очень ясно и сразу поняла, что начался перелом эпохи, «минуты роковые». «Посетить мир в его минуты роковые» - это огромный шанс для писателя.

И я хотела писать именно о «роковых минутах» нашей жизни.

В сущности, так или иначе, но именно об этом все мои пьесы.

Именно об этом и «При чужих свечах».

Столкновение двух судеб, двух мировоззрений, двух позиций на переломе эпох.

В пьесе только две героини. Кто они?

Что за тип такой – Алла?

Совсем молодая женщина, совершенно необразованная, заброшенная измученной, надрывающейся от работы матерью. Абсолютно одинокая в этом мире. Она не умеет одеваться, у неё нет вкуса. Никто не научил её мало-мальски приличным манерам. Она представления не имеет, что такое женская гордость, чувство собственного достоинства, уважение к другой личности. Она не знает, что такое хорошо и что такое плохо.

Нельзя проникать в чужую квартиру. Но, если очень надо, то можно.

Нельзя воровать, но, если для любимого человека, то можно.

Нельзя врать, но если хочешь избежать наказания, то можно.

И так далее.

Алла остро чувствует несправедливость, но только по отношению к себе. По отношению к другим, она легко творит самые чудовищные несправедливости.

Высшая ценность в жизни для неё любовь. А цель жизни – замужество.

Алла из тех условных 80%, которые искренне разделяют любые ценности, предложенные тоталитарной властью. Коммунистическое сознание определяет мораль, нравственность, цели, образ жизни. И всё было бы для Аллы неплохо. И как-то она устроилась бы в жизни, определилась бы.

Но тут социализм рухнул, сразу и без предупреждения. Родина, которая всегда требовала любви, преданности, подвигов и морали, внезапно и подло бросила самых преданных ей. И вот, Алла, маленький человек в огромном мире, вставшем на дыбы, начинает думать. И додумывается до простой вещи – Родина её не любит, презирает и никогда не протянет руку помощи.

А это значит, что **можно всё**.

А как иначе маленькому человеку выстоять против большого и подлого мира?

А, если этот маленький человек хочет быть любимым?

А, значит, надо бежать туда, где люди весёлые и добрые. А Алла уже слышала от кого-то, что есть такие страны, где всегда тепло, где всегда праздник, где люди дружелюбны и готовы поддержать друг друга. Ведь уже кто-то ездит за границу и удивляется тамошней жизни. Раньше Алла страстно верила в «берёзки» Теперь страстно верит в «пальмы».

«При чужих свечах» - история создания пьесы Надежды Птушкиной

Алле все должны, а сама Алла никому ничего не должна. Она знает только, что главное в жизни любовь. Для неё, для Аллы. Но это значит, и для всех. Пусть у Александрины изгажен её мир, отняты её ценности. Ну и что? Это же ради любви, которая превыше всего. Но у Александрины тоже есть любовь, которая превыше всего. Это любовь к самой себе – эгоизм. И, в сущности, ничем любовь Александрины не хуже, чем любовь Аллы. Каждая имеет право выбирать сама, кого и как ей любить и как жить. Александрина не мешала Алле жить и любить. Не вторгалась в личное пространство Аллы и не устраивала там погрома. В сущности, ведь у Аллы глубоко в подсознание врос лозунг большевиков «Грабь награбленное!»

А кто такая Александрина?

Единственный ребёнок в семье генерала. Папина любимица, папина гордость. Всё для неё.

Просторная квартира, когда у 99% населения комнаты в коммунальных квартирах. Семья из пяти-шести человек в одной небольшой комнате. Уборная и кухня человек на двадцать. А у Александрины своя большая комната, ванная. Никогда в жизни она не мыла полы, не стирала, не гладила. Никогда не работала ради денег. Папа оставил наследство. Были у неё няня и домашняя работница. Поступила она в престижный институт. Стала кандидатом наук, написала какие-то книжки. Остались папины связи. Работает она, не переутомляясь, за границу катается, вечеринки устраивает. Вот только личная жизнь не сложилась. 57 лет. А ни мужа, ни детей, ни просто секса, ни ценных любовных воспоминаний.

А ведь была красивая, могла родить ребёнка...

И вот, пора уже подводить первые итоги жизни. Что позади? Какие деяния в книге её судьбы?

Предательство учителя, аборт, измены мужчин, написанные ею, никому не нужные книги.

А что сейчас?

Суета, корыстные дружбы, страх одиночества и большое богатство.

А что впереди?

Комфорт и деньги. Всё! Ни друзей, ни близкого человека, ни признания заслуг, которых и нет.

Алла плоть от плоти коммунистической эпохи. Её, слегка фрондирующая, элита. И ей хватило бы «награбленного», чтобы благополучно дожить свою жизнь.

Но Алла в одно мгновение лишает Александрину всех средств к существованию. Алла обрушивает всю её жизнь. Александрине придётся переехать в худшую квартиру, жить на маленькие деньги. Она потеряет внешний шик, она лишится привычных знакомств, она не сможет ездить за границу. Всю свою жизнь (кроме детства) Александрина была глубоко несчастна. Но быть несчастной среди красивых вещей, когда тебе доступно всё, что пожелаешь, - это одно. А быть униженно несчастной, когда экономишь на еде, когда тебя видят в поношенной одежде, - это совсем другое дело. Быть несчастной на Мальдивах, нежась на спине на волнах Индийского океана, - это можно перенести. А толкаться в троллейбусах и воровать шоколадки в супермаркетах – такая перспектива чудовищна.

Итак, они встретились. Алла, которая погибает без любви. И Александрина, которая не может простить себе, что не родила ребёнка и обрекла себя на одиночество.

Так, может быть, сделать попытку? Может быть, поддержать и попытаться понять друг друга. Может быть, одной – отказаться от иллюзий, а другой – от бесплодной мести?

И набраться храбрости, чтобы бросить вызов реальности?

И, вроде бы, что - то такое возникает между этими женщинами. Но кончается трагически. Александрина вдруг понимает, что комфорт и богатство для неё превыше всего. Да, она

«При чужих свечах» - история создания пьесы Надежды Птушкиной

хочет любви, но цена слишком высока. Наверное, это тот выбор, который Александрина делала всю жизнь. Тот выбор, который привёл её к краху.

А что же Алла? Она готова и любить Александрину и принимать любовь. Но тоже не хочет платить высокую цену. Её цена – иллюзии. И расстаться с иллюзиями Алла не в силах. Она жизнь отдаёт за иллюзии.

А разве мало народа в нашей стране отдавало и впредь готовы отдавать свою жизнь за иллюзии? Это очень по-русски.

«Ненормальная» и «При чужих свечах» сразу пошли во множестве театров. И, естественно, привлекли внимание критиков. И от того, что в центре обеих пьес женские судьбы, на меня немедленно наклеили ярлык «женская драматургия». Я воспринимаю такие ярлыки, как оскорбительные. Вообще, я против любых ярлыков. Разве есть женская музыка? Или, женская живопись? Женская поэзия, или женское литературоведение? Да, есть дамские романы, но это жанр, а не вид литературы.

Мои пьесы (некоторые) можно ставить, как истории женских судеб. Но мои пьесы имеют много пластов. Кому нравится, реализовать только один пласт, пусть так и делает. Это право создателей спектакля. И на таком пути возможны большие удачи. Но пьеса даёт шансы и для множества других трактовок и для более широкого взгляда на мир.

Хотела бы рассказать о двух самых важных для меня спектаклях по пьесе «При чужих свечах». Академический театр им. Станиславского. Москва. 1995 год. Весна. Зал на сорок мест. Но, с приглашенными, набивалось человек семьдесят. Иногда, приглашенных выставляли из зала по причине соблюдения пожарной безопасности.

Успех был огромный. Много людей спрашивали «лишний билетик» перед началом спектакля у входа в театр.

Правомерно ли вообще говорить об успехе, если это зал на сорок мест в мегаполисе?

Оказывается, да. После «При чужих свечах» было поставлено на этот зал ещё два-три спектакля. И эти сорок зрителей собрать не удалось.

Играли «При чужих свечах» семь лет. Потом временно прекратили играть, потому что актриса ушла в декрет. А потом умер режиссёр, и спектакль не возобновили, а этот театральный зал закрыли. Больше в нём спектакли не шли.

Спектакль был хорош. Тонкий, точный, с удачно выбранными актрисами, которые обожали свои роли.

Но главное, - я хотела бы сказать о режиссёре, Виталии Ланском.

Последний из могикан. Не возьмусь рассуждать, были ли у него выдающиеся спектакли.

Но одно знаю твёрдо, - никогда не было спектаклей посредственных, скучных, бездушных.

Высокий профессионал, широко образованный человек, режиссёр по призванию.

Режиссер, любящий драматургов, любящий артистов, любящий всех сотрудников театра. Умный, деликатный, дипломатичный. Очень демократичный, умеющий уважать и ценить иные мнения, отличные от его собственных мнений. Дружелюбный, красивый и обаятельный человек.

Это был мой первый спектакль в Москве. И, конечно, то, что спектакль оказался блестящим, во многом определило мою судьбу. И то уважение, и внимание, которое проявлял ко мне Виталий Яковлевич Ланской, во многом сформировало мои принципы взаимоотношений с театрами. На меньшее я не соглашалась уже никогда. Только так: я уважаю театр, а театр уважает меня.

В России в середине 90-х годов получилась очень непростая ситуация в театре.

Государство практически перестало финансировать театры и, как следствие этого, разрешило в театрах всё.

Увы, театры отнюдь не кинулись ставить запрещённые ранее пьесы Зорина, или Петрушевской, Венемина Ерофеева... да мало ли кого? Нет. Театры накинудились на

«При чужих свечах» - история создания пьесы Надежды Птушкиной

американские, английские и французские комедии 30-х годов. Почему – 30-х? А потому что не надо платить авторам. Кончились сроки авторских прав.

Критика сразу заклеила эту тенденцию. Я не была согласна с критикой. Это всё были прекрасные, мастерски написанные пьесы, остроумные, изящные. Их ставили, как правило, хорошие режиссёры. И спектакли имели очень большой успех. Я старалась, как можно чаще бывать в театре. И получала от этого много радости и сделала для себя важные открытия.

Вторым следствием «свободы» оказалась порнография на сцене. За всю историю русско-советского театра сцена не видела столько голых женщин и голых мужчин. Не скрывающих ничего. Как не странно, но на «голеньких» народ не ломанулся. И всё это «новаторство» зачахло, не успев, как следует, расцвести.

Ещё одна группа прорвалась на сцену. Так называемые, молодые драматурги. Молодые, не в смысле возраста (хотя, большинство были относительно молоды – от 30-ти до 40-ка лет), а в смысле новаторства, новой эстетики и прочее, и прочее. Провозглашали новые виды, новые жанры. Но театры не спешили их ставить. По такой неуважительной причине, что зрители этого смотреть не хотят. Тогда драматурги стали объединяться в группы. Эти группы стали обслуживать довольно косноязычные критики, тоже непрофессиональные, неталантливые, но пробивные и бойкие. Эти критики создали этим драматургам легитимность. Легитимность без зрительского голосования. А зрители были объявлены отсталыми и примитивными. Это наши-то дивные героические зрители, которые поддерживали и «Современник», и «Таганку»?

Театр предал своих зрителей» - вот, как я назвала бы тот период.

Что ж, более, чем за четверть века эти деятели не создали ни манифеста, ни мало-мальски приличного театра, ни своей эстетики. Они не создали ни одного широко любимого народом произведения. Я не припоминаю, чтобы наши гениальные и выдающиеся драматурги, такие, как Розов и Арбузов, Зорин и Вампилов, Казанцев и Гуркин, Петрушевская и Соколова сколачивались в какие-то группы, а пьесы их гремели на всю страну, и имена их любили и знали далеко за пределами профессиональной среды. Эти драматурги сотрудничали с режиссёрами и артистами, а не друг с другом.

И проявилась в то время ещё одна тенденция. Какой-нибудь любитель писал пьесу, как умел и приносил в театр. А к своей пьесе присовокуплял деньги на постановку спектакля. В реальности это случалось не так часто, как этого хотелось бы обнищавшим театрам. Вот в такой театральной атмосфере, в ноябре 1994 года я первый и последний раз в жизни обошла все лучшие московские театры. И в каждом оставила по 10 своих пьес. По 10 совершенно разных пьес.

Первым, в январе 1995 года откликнулся Театр имени Станиславского. Мне позвонила заведующая литературной частью, добрая и весёлая, какая-то искрящаяся Лана Горон. И пригласила в театр на разговор.

Меня встретили Виталий Яковлевич и Феликс Янович. Главный режиссёр и директор. Они оба сразу очень мне понравились. И Театр им. Станиславского я тоже любила. Но, к сожалению, с первой же встречи, между мной и руководством театра возникло противоречие. Они считали, что я должна отдать пьесу в театр бесплатно. А я считала, что должна получать за свой труд деньги. Мы не пришли к согласию по этому вопросу и разошлись.

Я была очень огорчена. Но мне звонила Лана Горон и шептала в трубку, что и директор, и режиссёр очень переживают. Я тоже очень переживала.

Наши взаимные переживания привели к тому, что меня снова пригласили в театр недели через две. И Феликс Янович сказал, что руководство не намерено отказываться от пьесы, которая нужна театру. И они найдут для меня деньги.

«При чужих свечах» - история создания пьесы Надежды Птушкиной

Так оно всё и вышло. В театре шёл хороший спектакль, а я получила не только деньги, но сразу, очень громкую славу.

Но славу, в основном, с отрицательным знаком. Я была изумлена совершенно беспрецедентной энергией и злобой, с которой на меня буквально набросились критики. Аналитические и аргументированные статьи были редкостью. Надо сказать, что я ни разу не ответила на критику. Часто я просто брезговала отвечать, настолько косноязычны были рецензии. Но была и другая причина моего стойкого молчания. Я сразу сообразила, что все эти люди делают мне шикарную рекламу. Дело в том, что у зрителей ещё оставался советский менталитет; если спектакль все ругают, то надо идти смотреть. Что в итоге и сделали для меня все эти критики.

И ещё один спектакль по этой пьесе сыграл огромную роль для меня.

1999 год. С-Петербург. Государственный Академический театр им. Ленсовета. Я родилась и выросла в Ленинграде, и этот театр любила с детства. Я по много раз смотрела у них «Мой бедный Марат» и «Укрощение строптивой». В то время там работал интереснейший режиссёр Владислав Пази. Он пригласил меня из Москвы в С-Петербург в гости к ним в театр и «поговорить».

В театре оказалась удивительная атмосфера. Все милые, спокойные. Я почему-то непрерывно пила со всеми чай. Две очаровательные, интеллигентные сотрудницы литературной части трогательно опекали меня.

Владислав Пази сказал мне следующее: он планирует поставить в своём театре три спектакля по моим пьесам; «Аргентинское танго «Ревность», «Монумент жертвам» и «При чужих свечах». «Аргентинское танго» будет ставить он сам. И сейчас он занят поиском артиста на главную роль. А две другие пьесы поставят молодые режиссёры. На том и порешили.

Но Пази придумал рискованный театральный трюк. И «Монумент жертвам», и «При чужих свечах» шли один за другим в один вечер. Никаких сокращений сделано не было. Два академических спектакля просто шли подряд. Нельзя не отметить, что «Монумент жертвам» в С-Петербурге уже ставился и с большим успехом.

Пази пошёл на все эти риски и выиграл. Этот длинный двойной спектакль держался в репертуаре несколько лет и был успешен.

Название для всего этого действия, Пази придумал тоже неожиданное: «Шутки Птушкиной.» И огромные растяжки с этим названием, много лет висели над Невским проспектом и фоном попадали в любые новости и во многие сюжеты, которые не имели никакого отношения ни ко мне, ни к театру. Всё-таки, Невский проспект – самое креативное место в С-Петербурге.

Но «Аргентинское танго» Владислав Пази так и не поставил. Он умер внезапно, кажется, даже не дожив до пятидесяти.

Мы не были друзьями, и было у нас всего две встречи. Но, когда я узнала о его смерти, мне показалось, что я потеряла очень близкого человека.

С тех пор я видела много спектаклей по пьесе «При чужих свечах». Я не могу не отметить, что этой пьесе повезло больше, чем другим моим пьесам. Там много зависит от актрис. А прекрасных и талантливых актрис и в России, и в мире, к счастью драматургов, очень и очень много.